

диалектalen Wortschatzes hinweisen und zwar ihr Fungieren als kulturspezifische trigger-words, die entsprechende Assoziationen einerseits in Bezug auf universelle kulturelle Konzepte, andererseits auf kulturspezifische Konzepte der bayerischen Region hervorrufen.

Anschließend möchte ich noch einen Aspekt hervorheben: Die von Blokhina unternommene Erforschung dialektaler Präzedenznamen zeigt sich als ertragreicher Weg zum Begreifen der regionalen Spezifik der kulturellen Konzeptualisierung.

Besonders wertvoll für den Unterricht Deutsch als Fremdsprache ist das von Blokhina zusammengestellte Wörterbuch der kulturgebundenen Lexeme des mittelbairischen Dialekts, das als Grundlage für ein aktuelles deutsch-russisches Realienwörterbuch Bayerns dienen kann. Die Ergebnisse der Erforschung des kulturgebundenen Wortschatzes Bayerns können für die Analyse des dialektalen Wortschatzes in anderen Regionen des deutschsprachigen Kulturraums angewendet werden.

Es muss resümierend festgestellt werden, dass Ziel der Doktorarbeit von Blokhina erreicht ist, dass die vorliegende Arbeit von Blokhina ein sehr interessantes Studium eines deutschen Dialekts als Ausdruck regionaler Zusammengehörigkeit darstellt, die fortgesetzt werden kann. Die in der Arbeit unternommene Untersuchung kann auch auf andere Dialekte angewendet werden.

Die Arbeit erfüllt die Anforderungen an eine korrekte äußere Form. Die Regeln der Rechtschreibung, Grammatik und Interpunktion sind eingehalten worden. Alle erforderlichen Verzeichnisse sind vollständig in die Arbeit integriert worden. Die Auswahl der Literaturquellen ist umfangreich, allgemein zielführend und folgt wissenschaftlichen Standards.

Die Arbeit wurde in einem angemessenen sprachlichen Stil verfasst. Die Argumentation innerhalb der Arbeit ist zumeist logisch und konsistent. Die Dissertation ist sinnvoll strukturiert, die Probleme sind sehr verständlich beschrieben.

Anerkennung findet die Beschäftigung der Doktorandin mit sprachlich und stilistisch besonders anspruchsvollen Texten.

Рецензия на монографию В.В. КОТЕЛЕВСКОЙ «ТОМАС БЕРНХАРД И МОДЕРНИСТСКИЙ МЕТАРОМАН»

Н. В. Гладиллин

Монография В.В. Котелевской, как явствует из названия, рассматривает творчество Томаса Бернхарда (1931–1989) в контексте литературного модернизма. Тем самым автор опровергает мнение многих исследователей (в особенности американских), причисляющих этого австрийского писателя к постмодернистским авторам. В лучшем случае, положение Бернхарда в истории литературы можно считать «пороговым», «переходным», но его заведомо герметичные по форме и крайне пессимистические по тону тексты не укладываются в лёгкую, игровую постмодернистскую стихию. Поэтому представляется, что ракурс исследования автором монографии выбран неправильно.

В.В. Котелевская в своём исследовании скрупулёзно фиксирует основные мировоззренческие и эстетические константы модернистской литературы – точнее: модернистского романа – и фиксирует их полноценное присутствие в романых текстах Бернхарда. В первую очередь это – гносеологический и лингвистический скептицизм, принципиальная недостаточность языка для передачи человеческого опыта, артикулированная ещё в «Письме лорда Чэндоса» Гофманстала, помимо того – отказ от миметического воспроизведения действительности, фрагментаризация мира и текста, проблематизация границы между автором и героем и т.п.

Исследование творчества австрийского писателя, как подчёркивает В.В. Котелевская, невозможно без характеристики его философских истоков – а те всецело относятся к модернистскому миропониманию. Как писатель-мыслитель Бернхард сформировался под влиянием Ницше, Витгенштейна, Маутнера, Крауса, испытал глубокое сомнение в возможности обыденного языка выразить истину и занялся поиском «другого языка» (с. 101), а значит, созданием «другой литературы», где наряду с собственно фикциональным началом огромную роль играет метафикциональное – рефлексия по поводу написанного, соотнесение написанного с широким культурном контекстом и т.п. Поэтому романное творчество Бернхарда следует рассматривать в контексте модернистского метаромана.

В монографии прослежен генезис метаромана как субжанра, характерного прежде всего именно для модернистской парадигмы (в романах Бернхарда обнаруживается переключки с текстами Р. М. Рильке, Р. Вальзера,

Г. Броха – диагноста «распада ценностей» европейского общества, и особенно С. Беккета, которого с Бернхардом роднит прежде всего принципиальная «нонреференциальность» (с. 187)). Однако корни метаромана прослеживаются гораздо раньше – у Руссо, Стерна и особенно Жан-Поля с его установкой на автореференциальность прозы. В романе Бернхарда «Изничтожение», фиксирует В. В. Котелевская, эксплицитно присутствует «Зибенкэз-сцена» (с. 293), интертекстуальная игра с книгой Жан-Поля ведётся и в романе «Амрас». Отмечается также «общее для Жан-Поля и Бернхарда осознание всякого словесного самовыражения как стилизации» (с. 295).

Автор монографии справедливо характеризует Бернхарда как автора, ломающего привычные (реалистические) представления о сюжете, герое, рассказчике, как «разрушителя историй» (с. 181). Объективная реальность, в которой распались связи между людьми и предметами, порождает особый тип автора, чьи «несовершенные отношения с жизнью должны быть компенсированы неким абсолютным текстом, осуществление которого на деле превращается в изнуряющие, “болезненные поиски совершенства”» (с. 16). Характерные герои Бернхарда – не только выразители популярного в модернизме архетипа «блудный сын», но и представители породы «Korfmensch», рефлексирующих интеллектуалов, одержимых комплексом избранничества и неутолённым перфекционизмом. При этом голос протагониста трудно отличить от голоса нарратора – В. В. Котелевская указывает на цитирование нарратором протагониста в форме косвенной или несобственно-прямой речи как основной повествовательный приём в романах Бернхарда, начиная с «Помешательства» (1967).

В то же время постоянно подчёркивается, что в отличие от постмодернистской литературы с её диффузными, протеичными персонажами проза Бернхарда центрована на субъекте. Но субъекте ущербном, нигде не укоренённом, в том числе и в тексте. Уже в первом романе писателя, «Стужа» (1963), таинственное заболевание протагониста состоит, по В. В. Котелевской, в гипертрофии «я». «Фихтеанская формула романтизма подвергается ревизии: возвращение субъекта оплачено трагифарсовой катастрофой» (с. 222). Но в более поздних произведениях Бернхарда автор монографии видит стремление протагонистов перейти от конфликтных субъект-объектных отношений к конструктивному субъект-субъектному диалогу, при всей его проблематичности.

В своём анализе В.В. Котелевская не ограничивается привлечением сугубо литературного материала – предмет исследования требует широкого использования данных философии и истории, а также других видов

искусств: театра (в частности, неминуемо периферийное рассмотрение драматургических произведений Бернхарда), кинематографа (с. 107), музыки (на с. 287 устройство речевого потока в анализируемых текстах уподоблено «барочной полифонии»), архитектуры (с. 315, что вполне логично при анализе романа «Корректур», тематизирующего строительство дома).

Автор монографии учитывает всю существующую в настоящее время литературу о Бернхарде, в том числе отечественных авторов – Н.С. Павловой, Д.В. Затонского, А.В. Белобратова, Е. . Соколовой. В особенности плодотворными для исследования В. В. Котелевской стали работы С.П. Ташкенова, посвящённые коммуникативным и психопатологическим аспектам языка австрийского писателя, а также генезису его эстетических взглядов. К моменту выхода монографии ещё не было готово диссертационное исследование С.Ю. Новиковой об автобиографической прозе Бернхарда, однако вышедшие по его теме статьи также оказались в фокусе внимания В.В. Котелевской. Особенно интересным и заслуживающим дискуссии здесь представляется выделяемый автором монографии как один из центральных у Бернхарда топос «прогулки» в противовес топосу «бегства», выделяемому Новиковой (не будем, правда, забывать, что две исследовательницы рассматривают несколько разные жанры в творчестве писателя).

В заключение, вместе с неоспоримыми достоинствами монографии В.В. Котелевской приходится отметить, что в ней чувствуется некоторая неполнота, недоговорённость. Так, подвергнуты подробному анализу лишь избранные романы Бернхарда. Характеристике субжанра метаромана в целом и его разработке у Бернхарда в частности уделено примерно равное место, тогда как читательское сознание стремится к какому-то одному полюсу. Показательно, что в монографии совершенно отсутствует такой, казалось бы, обязательный раздел как Заключение, благодаря чему весь колоссальный объём работы автора кажется остановленным на полпути, лишённым конечных концептуальных выводов. Представляется, что рецензируемый труд – всего лишь этап, важный шаг на долгом пути, финал которого отложен в будущее. Но мы вправе надеяться, что труд В. В. Котелевской, посвящённый творчеству Т. Бернхарда, вскоре увенчается полнозвучным заключительным аккордом, чего мы ей искренне желаем.

